

18+

МАРИНА ВАЖОВА

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Марина Важова

Между прошлым и будущим

<https://litres.ru/74151564>

ISBN 9785007011624

Аннотация

«Между прошлым и будущим» — своего рода китайская «Книга Перемен».

Она состоит из четырёх частей: СССР, Перестройка, Наши дни, Назад, в Будущее.

Никуда не уезжая, я поменяла страну, город, улицу, общественный строй.

И так случилось с миллионами наших сограждан.

Через воспоминания, размышления, дневниковые записи, реальные и выдуманные истории — я решила показать судьбу народа и отдельного человека.

И даже заглянуть в будущее, которое разворачивается на наших глазах.

Что-то уже сбывается.

Содержание

ТАК БЫЛО В СССР	5
СОВЕТСКАЯ ШКОЛА	5
СРЕДНЕЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР	10
СОВЕТСКАЯ МЕДИЦИНА	13
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА	15
ЭПОХА ДЕФИЦИТА — ПЛЮСЫ И МИНУСЫ	17
СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И СТАБИЛЬНОСТЬ	21
ЛЕНИН	24
СОЮЗЫ: ОКТЯБРЯТА, ПИОНЕРЫ	26
СОЮЗЫ: КОМСОМОЛ	30
СОЮЗЫ: КОММУНИСТЫ	33
БЕЗОПАСНОСТЬ В СССР	37
ОБЩЕНИЕ В СССР	40
ДРУЖБА НАРОДОВ	43
ОБЛИКА МОРАЛЕ	49
КИТАЙСКАЯ КОФТОЧКА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Между прошлым и будущим

Марина Важова

Редактор Екатерина Симагина

Корректор Ирина Юнис

© Марина Важова, 2026

ISBN 978-5-0070-1162-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАК БЫЛО В СССР

*Читайте, завидуйте —
я гражданин Советского Союза
Владимир Маяковский.*

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА

Как я мечтала поскорее пойти в школу! Чтобы мне купили форму: коричневое шерстяное платье, чёрный и белый передники и шершавые капроновые ленты в косы.

Учительница Мария Ивановна вела нас 3 года. Пожилая, добрая, но и строгая. Тишина в классе весь урок. Учились 6 дней в неделю, 4 урока по 45 минут. Не уставали. Старшая сестра Оля уже была в шестом классе, она и меня научила читать и писать, в первый класс в 1961 году я шла вполне подготовленная.

Потом началась кабинетная система, разные кабинеты, разные учителя. До сих пор помню их имена: Любовь Соломоновна — русский и литература (моя самая любимая, давшая путёвку в литературную жизнь), Любовь Фёдоровна — математика, Борис Александрович — физика.

Появилась классная руководительница — Нинель Ароновна. Она вела английский. В классе было 40 учеников, на

английском нас разделили на две группы по 20 человек, я оказалась у другого преподавателя Александры Алексеевны. Её группа считалось более вольной. Она болтала с нами по-английски, попутно переводя некоторые слова. Это научило меня разговорному языку и помогло в дальнейшем.

Дружба по переписке длилась годами. Отправляли письма так: страна, город, школ №2, такому-то по списку. И также получали. Это была международная система детского общения в соцстранах. Писали по-русски, закрепляли русский язык на уровне дружбы детей. У меня были подруги из Польши, Монголии, Болгарии, Латвии (эта своя) и один друг с Кубы.

Вкус школьных котлет тоже помню и всю жизнь стараюсь добиться, чтобы котлеты были сочными, мягкими, ароматными. И да, для этого нужно класть в фарш много булки.

А школьная дружба! Наша тройка: Лариса Шишкунова, Наташа Нетупская и я. После уроков мы часто гуляли вместе, не хотелось расставаться. Иногда оставались на дополнительные занятия: кружки, репетиции, занимались с отстающими — прикреплёнными. Мы-то, конечно, были отличницами.

После 6 класса Лариса перешла в школу с химическим уклоном, Наташа после 8 класса — в физико-математическую, а я поступила в техникум Лёгкой промышленности.

Школа проявляла наши способности и готовила к выбору профессии. Мальчиков водили на судостроительный Бал-

тийский завод, девочек — на ткацкую фабрику им. Веры Слуцкой. На уроках труда давали реально полезные в быту знания. Девочек учили шить, штопать, вязать, готовить, мальчиков — электрике, столярному делу.

В школе я написала свои первые стихи, которые опубликовали в газете «Ленинские искры». Послала в редакцию, и мне через месяц пришёл ответ, что стихи приняты, а потом прислали два номера газеты. Вот эти стихи:

Репортаж с Зимних Олимпийских игр 1964 года

*Уже пять дней идёт хоккей!
Идёт хоккей уже пять дней!
И здесь хоккей, и там хоккей,
Хоккей для взрослых и детей.*

*Вот Полупанов гол забил,
И Фирсов тоже гол забил!
Болельщиков мы слышим глас:
«Эх, раз, ещё раз, ещё много-много раз!»*

*Но Коноваленко — чудак,
Стоять не может он никак,
Вокруг ворот он раз прошёл —
И вот в ворота наши гол...*

*Обрадовались шведы —
Хотят они победы!*

*Но этот гол пошёл на пользу нашим
В воротах девять шайб,
И счёт уж в пользу нашу!*

*А Рогулин наш умеет драться,
За своих он постоять готов —
Ведь кому-то надо рассчитаться
С боевой командой драчунов!
1964 г. 3 класс.*

Навсегда запомнила:

Добрых и знающих учителей, которые учили нас не зубрить и угадывать, а думать, анализировать, делать собственные выводы.

Спокойное и уважительное отношение учителей к ученикам, а учеников к учителям и друг к другу. Никаких эксцессов на уроках и переменах.

В школе я впервые была влюблена.

В школе я научилась дружить.

Внуки мне не верят, когда я об этом рассказываю. Особенно тому, что в школах не «чморили», не унижали слабых, не издевались над малообеспеченными или непохожими на

остальных детьми. Представить дерзость и грубость в отношении учителя вовсе невозможно.

СРЕДНЕЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР

Получение среднего специального и высшего образования в Советском Союзе было бесплатным. В техникумах стипендию платили всем, а в институтах тем, у кого за семестр нет троек по специальности и хвостов. Подавать документы в разные учебные заведения было нельзя, но оставалась возможность в случае неудачи поступить туда, где недобор.

С 1969 по 1974 гг. я училась в техникуме Лёгкой промышленности, получала стипендию 20 руб. Комплексный обед стоил 50 коп. (салат, первое и второе мясное или рыбное, компот), ученический проездной 1 р. 60 коп., трамвайная карточка — 80 коп. То есть мне на всё это хватало стипендии и ещё оставалось 5 рублей.

В техникуме было отличное бесплатное общежитие и профилакторий-санаторий для поправки здоровья. Всё находилось в здании техникума на проспекте Майорова. Я защитилась с красным дипломом и могла поступать в институт, сдав только специальность и 1 общеобразовательный предмет.

Всех обеспечивали работой по распределению. Семейные и обладатели красных дипломов могли от него отказаться и устроиться самостоятельно. Сначала я работала в ателье, потом 5 лет художником в редакции Дома Моделей на Невском проспекте.

В 1980 году поступила в институт им. И. Е. Репина на факультет графики. Но сначала провалила экзамены и год посещала занятия вольнослушателем. Бесплатно.

Стипендия в институте была уже выше — 30 руб. А комплексные обеды и проездной стоили так же. Студентам бесплатно выдавали все материалы: бумагу, краски, кисти, холсты и пр. Повышенную стипендию 40 руб. платили тем, кто учился без троек. Была и Ленинская стипендия 50 руб. — тем, кто учился на пятёрки (несколько четвёрок допускалось). Летняя практика проходила в разных регионах и республиках, после 5 курса — за границей: Пушкинские горы, Череповец, Шушенское, Рига, Дрезден. Всё было бесплатно: проезд, проживание, питание, натурщики.

В институте была квота для студентов из республик и иностранцев. У нас учился чех и монгол, парни из Казахстана и Молдавии.

Всем выпускникам предоставлялась работа. На защиту диплома приезжали потенциальные работодатели, в основном, из Министерства Культуры, издательств. Со мной, например, сразу заключили договор на серию эстампов, причём тема была свободная. Заплатили очень неплохо, я заработала за месяц 650 рублей (при средней зарплате по стране 120 руб.).

Одновременно поступила на работу в Графический комбинат, где платили 150 рублей в месяц. График работы был свободный, делала литографии на собственные темы, комби-

нат всегда одобрял. Параллельно работала по договору в издательствах «Малыш», «Детская литература», журнал «Костёр». К концу второго года у меня на сберкнижке накопилось уже 2500 рублей.

Ещё на 5 курсе меня приняли в молодёжную секцию Союза Художников СССР, а сразу после окончания института — во взрослый Союз. Это давало право на дополнительные 20 метров жилплощади, получение мастерской в нежилом фонде, поездки на творческие дачи и, конечно, преимущества в получении заказов от издательств и Графического комбината.

СОВЕТСКАЯ МЕДИЦИНА

Граждане Советского Союза лечились бесплатно. Это было нормой. С самого рождения — да ещё до рождения — советский человек попадал под бдительное око Здравоохранения. Помню, как меня буквально принудили лечь в дородовое отделение из-за порока сердца. После рождения ребёнка на дом приходила патронажная сестра, учила пеленать, сцеживать молоко, смотрела, нет ли у ребёнка потнички. И попробуй, мамочка, не принести ребёнка на очередной осмотр — замучают напоминаниями.

Моё детство — это санатории, ежегодный поход всем классом к стоматологу, рыбий жир с солью и хлебом на перемене — в обязательном порядке! Вообще всё, что касалось здоровья детей, было бесплатным, методичным и обязательным к исполнению.

Да и взрослых опекали не меньше. Профосмотры, прикрепление к специалисту по роду болезни (постановка на учёт, а там уже вызовы, обследования, санаторно-курортное лечение). Санатории и дома отдыха были бесплатными по направлению поликлиники.

Но если сам решил съездить в отпуск на Чёрное море, тут было два пути: профком и местком. Профсоюзы были богаты и гасили до 90% стоимости путёвки. Местком действовал по принципу поощрения ценных (или малообеспечен-

ных) сотрудников. Гагры, Пицунда, Сочи, Гурзуф — простые заводские рабочие могли позволить себе «отдохнуть на югах» хоть каждый год. Про ИТР (инженерно-технические работники) и руководство и говорить нечего — всё то же, только классом повыше.

Для полного разгуляева существовала «чёрная касса», куда ежемесячно вносили 3—4 рубля с зарплаты, зато к отпуску получали ещё одни «отпускные» и ни в чём себе не отказывали.

Врачи того времени (как и учителя) были не сильно обеспечены материально. Зато существовал престиж профессии, не зависящий от денег. Традиционно высокий конкурс в мединститут, крепкое образование. И неважно, что пошлют работать на село или за полярный круг — быть врачом почётно и перспективно...

«Лечиться даром — даром лечиться» — такая поговорка появилась уже в 80-х годах, когда начали открываться хозрасчётные клиники, в основном, стоматологические. Это был один из первых рекламных слоганов нового времени.

В «свободной» России за последние 40 лет медицина и фармакология стали просто бизнесом, эксплуатирующим страх людей перед болезнью и смертью. Причём, бизнесом, свободным от ответственности: клиники получают от пациентов согласие на оперативное вмешательство, в том числе и с готовностью к смертельному исходу.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В Советском Союзе культурному развитию личности уделялось много внимания.

В чём это выражалось?

Прежде всего, в культуре речи. А ещё в стремлении к знаниям.

Престижно было много знать и уметь хорошим русским языком этими знаниями поделиться.

Развитию культуры способствовало 3 явления очень высокого уровня:

Литература. Кинематограф. Театр.

СССР был самой читающей страной в мире. Войдёшь в трамвай — у каждого второго в руках книга, журнал или газета. Купить книги было трудно. Зато хорошие библиотеки были даже в деревнях.

Чтение формировало грамотную речь. Михаил Шолохов, Константин Симонов, Фёдор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Солоухин, Владимир Тендряков, Василий Шукшин. Это признанные корифеи, классики.

Но и беллетристика была на высоте: Юлиан Семёнов, Виктор Пиккуль, братья Стругацкие, Виктория Токарева, Юрий Трифонов... В детскую литературу пришли талантливые писатели Сергей Михалков, Николай Носов, Валентин Катаев, Лев Кассиль, Виктор Драгунский... Лучшие художники ри-

совали для детей добрые, талантливые, поучительные картинки.

А кино! Сколько прекрасных фильмов — увлекательных, чистых, с прекрасными актёрами, талантливой режиссурой — создано в период т.н. «застоя» с 1960 по 1985 гг.! Сколько призов на международных кинофестивалях получено! Их создатели Никита Михалков, Андрей Кончаловский, Георгий Данелия, Сергей Юткевич, Михаил Калатозов, Георгий Чухрай — и это только Канны! О популярных до сих пор многосерийных фильмах можно говорить без конца.

60-е называют «оттепелью» — начался необычайный расцвет культуры и культурного обмена с разными странами.

Театр — вообще отдельная тема. Ходить в театры, слушать живую музыку было нормой. Билеты стоили недорого, каждый мог себе позволить. Молодёжь ходила, потом обсуждала. Вот о чём говорили, спорили тогда — о книгах, фильмах, выставках, концертах.

Говорить о деньгах, болезнях, хвастаться материальными достижениями считалось дурным тоном.

А за мат в общественном месте можно было и в «кутузку» попасть.

ЭПОХА ДЕФИЦИТА — ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Всё же люди начинают любить, ценить и желать то, что менее достижимо.

Сразу вспоминаются времена всеобщего дефицита, когда не покупали, а «доставали», и не продавали, а «выбрасывали». Достав выброшенное, человек испытывал прилив счастья и даже гордость. Потому и отношение к труднодоступным благам было бережное, благодарное.

Вещи носились подолгу, их берегли, чинили, обувь и одежда переходила от старших детей к младшим. Зато и вещи делались носкими, неубиваемыми. Повсюду были бюро ремонта всего на свете. Бытовая техника работала десятилетиями.

Это происходило отчасти из-за того, что почти все промышленные предприятия были заточены на оборонку, а значит, и материалы, и технологии имели надёжность и особый контроль качества, что распространялось и на гражданскую продукцию. ГОСТ (государственная система стандартов) действовал неукоснительно, «Знак качества» получали лучшие образцы товара.

Но всё же в торговле царил дефицит, в основном, на импортные товары. Покупали их у фарцовщиков, которых не уважали, презрительно называя «фарцой». За ними бдитель-

но следил КГБ, поскольку они имели дело с иностранцами, совершали запрещённые валютные операции, а то и работали на западную разведку.

Однако существовал ряд дополнительных возможностей, установленных государством для некоторых категорий населения. Например, для работников отраслей, производящих продукцию на экспорт. Все сотрудники таких предприятий имели условные валютные счета и могли потратить накопления на импортные товары в спецмагазине. Такую схему имели предприятия нефте- и газодобывающей отрасли, химической и космической.

У творческих работников, произведения которых закупались за рубежом, гастролирующих артистов были т.н. боны, которые можно было отоварить в магазинах «Берёзки», и валютные счета, которыми они могли пользоваться в загранпоездках, это касалось, в основном, артистов. Либо получить рубли по государственному курсу 1 доллар = 60 копеек.

Ограниченные возможности — огромный стимул в жизни людей. И источник радости. А всеобщая доступность материальных благ (особенно низкопробных) не способствует бережливости, и люди в погоне за всё новым перестают ценить простые и добротные вещи.

Приём вторсырья был одним из проявлений бережливости в масштабах страны и источник дополнительных возможностей.

Например, приём стеклотары. Бутылки разные — из-под

молока, водки, пива, пузырьки от лекарств выбрасывать было не принято. А если некто и помещал за ненадобностью в урну или оставлял на скамейке, другой некто уже дежурил поблизости и все эти блага цивилизации немедленно оприходовал и нёс в пункт приёма, получая копеечку.

Эти пункты были повсюду в пешей доступности и, кроме стеклянной тары, принимали макулатуру, тряпье, металл. Платили небольшую денежку, но, что ещё привлекательнее, давали талоны на покупку дефицитных книг.

СССР был самой читающей страной в мире. Этот неоспоримый факт тем более парадоксален, что книги тоже были в дефиците. Но так хотелось иметь дома собрание любимых авторов!

Был законный путь: сдай макулатуру в обмен на купон, наклейте в абонемент, собери его и получи... нет, не книги, а возможность их купить. Или иди к букинистам, фарцовщикам.

Народ записывался в библиотеки, причём не в одну или две, а в несколько. Я с детства тоже была записана в две библиотеки, помимо школьной: в районную детскую библиотеку и в ДК им. С. М. Кирова.

Помню, как в первом классе пришла в районную библиотеку и настолько была смущена величиной уходящих вдаль стеллажей с книгами, что на вопрос библиотекарки, читала ли я «Мойдодыр» Корнея Чуковского, отрицательно покачала головой, и тут же мне выдали эту «малявочную» кни-

гу. Благоговение не покинуло меня и дома: я честно ещё раз прочла знакомые наизусть стихи.

Но в следующий раз попросила «толстую книгу», и мне выдали «Приключение Незнайки и его друзей». Я просто влюбилась в её героев! Дочитаю до конца, счастливо вздохну — и опять на первую страницу. «В одном маленьком городе жили коротышки...» — начало книги, абзаца два, помню до сих пор. Как-то удалось эту книгу купить, а потом продолжение — всё же в 60-ых уже с книгами стало лучше.

Дома у нас был книжный шкаф с полным собранием сочинений Диккенса, несколько книг Чехова, О Генри, Паустовский, Тургенев и ещё много разрозненных изданий. Шкафом заведовала самая образованная из моих тёток — тётя Таня.

В библиотеке книги выдавались на две недели, потом надо было их либо сдать, либо продлить. Получив книги, обязательно заворачивали их в бумажную обёртку, чаще всего, газетную, со специально вырезанными клапанами.

Какое это было наслаждение — после сделанных уроков и непременно прогулки с подружкой Наташей провалиться в книгу!

Учебники тоже берегли, они переходили от одного класса к другому через библиотеку и были бесплатными. Если учебник терялся или становился негодным, родителям приходилось за него платить.

Этим воспитывали хозяйственность, учили ценить вещи и труд людей.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И СТАБИЛЬНОСТЬ

Советский Союз заботился о населении. Например, гарантировал право на труд, обеспечивая работой по специальности. Тунеядцев наказывали, их могли по суду отправить на принудительные работы, а в больших городах выселить на 101-ый километр.

Государство обеспечивало жильём и пропиской (бомжей не было), но действовал паспортный контроль, и, меняя место жительства, надо было открепиться в паспортном столе ЖЭКа и обязательно в течение месяца прописаться на новом месте. Это правило обеспечивало простоту получения статистики, на основании которой формировались потребность населения в товарах, рабочих местах, жилье.

И отследить «летунов» было легче. Отделы кадров предприятий не больно-то жаловали людей, по своей прихоти скачущих с места на место. Но всегда существовали те, кто в погоне за «длинным рублём» готовы были менять место жительства.

Кому хотелось заработать (на севере, где платили вдвое и стаж также удваивался, или в геологических экспедициях), те могли «завербоваться», подписав контракт с предприятием на определённое время и получив жильё в общежитии.

Законы были незыблемы, а наказание за их нарушение

неотвратимо. И это знал каждый. Никакого сбивающего с толку «текущего законодательства», появившегося в Перестройку, в мутных водах которого ловкий адвокат отмажет любого преступника, лишь бы платил.

Защиту прав советского человека обеспечивала простая система контролирующих органов. Граждан бесплатно консультировали юристы по месту работы, помогали писать жалобу, вести дело в суде.

Стабильность — вот главное отличие жизни в СССР.

Возьмём, к примеру, пенсию по старости. Мы жили с бабушкой на её пенсию 60 рублей, т.е. на 2 руб. в день. Не слишком роскошно, но нам хватало. В техникуме я начала получать стипендию 20 руб., вообще шикавали...

Или стабильность цен. С детства я знала, что эскиммо стоит 11 коп., вода газированная с сиропом 3 коп., без сиропа 1 коп. Масло 3 руб. 60 коп. за кило, мясо 2 руб. Так было всегда.

Весь мир вокруг меня отличался стабильностью. Если на углу Гаванской и Шкиперки размещался молочный магазин, то он всегда там был, есть и будет. И молоко там всегда стоит 28 копеек за литр, а сыра всегда три сорта.

И это незыблемое постоянство, эта уверенность, что никуда молочный магазин не денется, никто его не купит, не вытеснит, не забабашает в его узком, как коридор, зальчике очередной, совершенно мне не нужный «Кофе с собой», — эта нерушимость помогала сохранять уверенность в зав-

трашнем дне.

Вот, кстати, ещё одно забытое ныне понятие — уверенность в завтрашнем дне.

ЛЕНИН

— Мама, а почему Ленин в галстук? — спросила как-то моя 4-летняя дочь Лия.

— Ну, дяденьки ведь носят галстуки...

— Так это же не дяденька, а Ленин!

Лия родилась через сто лет после появления на свет вождя мирового пролетариата, когда фраза Владимира Маяковского «Ленин и теперь живет всех живых» не казалась абсурдной.

Конечно, не дяденька, а ЛЕНИН! Человек, изменивший ход истории.

Благодаря ему феодальная, с накатками капитализма Россия, перепрыгнув через две социальных ступени — капитализм и империализм — начала строить социализм.

Мало того, она прирастила свою территорию и стала называться Союзом Советских Социалистических Республик. А потом последовательно заразила своим примером других и оказалась в окружении стран социалистического лагеря. В дружественном кольце.

И всё это начал он, Ленин. Человек-легенда. Последовательный, деятельный, гениальный.

Полмира его любило и превозносило, полмира ненавидело и боялось. Но весь мир уважал.

Цивилизованная Европа потеряла свои колонии, Штаты

чуть не разорвало расовыми беспорядками.

Запад не смирился с растущей экспансией социализма, ведь это грозило основе основ его существования — власти капитала.

Советский Союз был сильным государством, с которым считались. Это порождало стабильность в международных отношениях. Одни нас любили и подражали, другие боялись и не трогали.

Все 70 лет СССР держал оборону. И сейчас держит. Нет, он не погиб. Как подпольщик, притих на время, притворился беззубым и немощным. Казалось, что его больше не существует, пока Россия не оказалась в окружении НАТОвских военных баз. И началось возрождение духа.

История повторяется.

СОЮЗЫ: ОКТЯБРЯТА, ПИОНЕРЫ

Как мы мечтали в школе сначала о приёме в октябрята, потом в пионеры, потом в комсомол!

«Октябрята — дружные ребята. Хорошо учатся, любят труд, уважают старших». «Это чьи идут ребята? Удалые октябрята. Сильные и смелые! Ловкие, умелые!»

«Пионер — всем ребятам пример», «Раз-два! Три-четыре! Три-четыре! Раз-два! Кто шагает дружно в ряд? Это — смена комсомола, пионерский наш отряд!».

Эти слоганы сопровождали наше детство. На подсознательном уровне они формировали образ личности, на которую надо равняться.

В первом классе я мечтала стать октябрёнком, чтобы носить на груди значок-звёздочку с портретом Ленина! Звёздочки были разные: металлические с эмалевым чёрным, красным и золотым рисунком; у меня была мозаичная звёздочка из красного пластика с фотопортретом маленького Володи Ульянова в центре.

Но главными были живые «звёздочки», состоящие из пяти учеников. Это уже была команда, которую возглавлял командир, а каждый октябрёнок занимал одну из «должностей»: цветовод, санитар, библиотекарь или физкультурник. Я была цветоводом, и эти навыки были первыми шагами к взрослому увлечению садоводством.

Между «звёздочками» постоянно шло соревнование: за успеваемость, поведение, чистоту рук, сбор макулатуры, са-моделки и рисунки. Над октябрятами шефствовали пионеры. Раз в неделю, после уроков, шефы проводили собрание со своей «звёздочкой», подводили итоги, намечали планы, иногда читали отрывки из книг. Командир мог в любое время обратиться к вожатому с просьбой или предложением.

Это была первая ступенька, вводящая нас в мир организованной общественной жизни. Следующей ступенью была Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина. В пионеры принимали учеников четвертых классов, и тут уже было не так просто, как с приёмом в октябрята.

Принимали не всех подряд, не сразу, не одинаково. Первых — в ноябрьские праздники, это были отличники или командиры «звёздочек». Меня, например, принимали в пионеры в «Музее Ленина». До сих пор помню, как дрожали колени, когда мне повязывали красный галстук! Других, хорошистов — на крейсере «Аврора», отстающих — в школе, уже в конце учебного года.

*Как повяжешь галстук — береги его:
Он ведь с нашим знаменем цвета одного.
А под этим знаменем в бой идут бойцы,
За Отчизну бьются братья и отцы...*

Галстуки тоже были разными. Были простые, штапельные, они стоили дешевле, самыми популярными были галстуки

из ацетатного шёлка. Завязывать узел галстука надо было уметь: чтобы он был ровным и чтобы концы спускались одинаково, а не торчали в разные стороны.

Страшным позором было прийти в школу без галстука. Забывчивых отправляли за галстуком домой, и в дневнике ставилось опоздание. Но такие случаи были большой редкостью, галстуком дорожили, за ним ухаживали: стирали, гладили. В летних пионерских лагерях галстуками обменивались в знак вечной дружбы.

Мой далёкий Первомай,
Мой далёкий День Победы...
Я — в распахнутом пальто,
Красный галстук на груди...
Может, это не меня
Принимают в пионеры?
Может, это и не я,
Там шагаю впереди?

Догоню её, спрошу:
Ты — Марина? — Да, Марина,
А вы бабушку сейчас
Мне напомнили чуть-чуть...
Я рукою помашу
Этой девочке счастливой,
Накажу-благословлю:

Не забудь... не забудь...

Доброту учителей,
Бескорыстие врачей,
Первомайскую весну...
Эти годы, эту гордость
За великую страну!

1 мая 2022 года.

СОЮЗЫ: КОМСОМОЛ

«Ты комсомолец? — Да! — Давай не расставаться никогда!».

«Партия сказала: надо, комсомол ответил: есть!».

В седьмом классе как-то стыдно было оставаться пионером, да и галстуки начинали надоедать. Строгие, уверенные в себе старшеклассники со скромными значками на груди, наши пионервожатые, готовили нас к вступлению в комсомол — ВЛКСМ, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи. С этого начиналась взрослая жизнь, и выбор: вступать или нет, — делался уже осознанно.

Только два человека из нашего класса по окончании школы не были комсомольцами. Один — вечный троечник, другой — хулиган, состоящий на учёте в милиции. Приём был серьёзный. Надо подтянуть успеваемость, получить две рекомендации от комсомольцев или коммунистов, выучить устав, следить за международным положением, поскольку предстояло собеседование на заседании школьного Комитета комсомола.

Нас, нескольких отличниц, приняли в первую очередь, и мы пришли в школу со значками на неожиданно выступившей груди, закрытой прежде концами пионерского галстука.

Мне вдруг стало понятно, что детство закончилось, что Юрка Г. и Вовка Ч. не задирают меня насмешками, а ока-

зывают знаки мужского внимания. Учитывая способности к рисованию, меня немедленно определили в редколлегию школьной газеты, а в восьмом классе по той же линии — в члены Комитета комсомола.

В дальнейшем: и в техникуме Лёгкой промышленности, где я училась, и в Доме Моделей, где работала, меня неизменно выбирали в Комитет комсомола по культмассовой работе. Основным занятием были подготовки праздников: на 7 ноября, Новый год, 8 марта, 23 февраля и 1 мая. Увлекаясь театром, я взяла на себя самодеятельность и даже была помощником режиссёра в драмкружке.

Особенно памятными были два новогодних праздника, организованных в Доме Моделей. В первый раз, учитывая наш преимущественно женский коллектив, я решила пригласить для участия курсантов из «Дзержинки» — высшего военно-морского инженерного училища имени Ф. Э. Дзержинского, выпускающего инженеров-корабелов.

Вот с кем было приятно работать! Чёткие, воспитанные, остроумные, они придумали всю программу, даже насочиняли стихов и песенок на тему содружества швей и моряков. Помню такую строчку: «Все мы носим то, что шьёт Дом Моделей и Скороход». Совместные репетиции перетекли в дружбу, за ними пошли свадьбы.

Меня очень просили и на следующий новогодний праздник их пригласить, но я, увлечённая театром, пригласила студентов театрального института из мастерской ТЮЗовско-

го режиссёра З. Я. Корогодского. Надежда на то, что уж будущие артисты сами всю программу подготовят, не оправдались. Больше того, они явились уже изрядно выпившими, текст перепутали, несли всякую отсебятину и отличились «аморальным поведением», проще говоря, напились и цинично приставали к нашим девушкам. А я получила выговор за срыв мероприятия.

СОЮЗЫ: КОММУНИСТЫ

С детства помню этот лозунг-растяжку на Большом проспекте, когда шла с демонстрацией 1 мая или 7 ноября: «Партия — это ум, честь и совесть нашей эпохи!». И тот призыв командиров в Великую Отечественную: «Коммунисты, вперёд!».

Коммунисты были высшей кастой в иерархии общественной жизни. Поэтому, когда возраст подходил к тридцатнику (а порой и раньше) перед комсомольцами вставал вопрос: вступать в компартию или, выходя из комсомола, остаться беспартийным.

Моя мама, Важова (Бологовская) Любовь Ивановна, пережившая блокаду Ленинграда, была членом партии. И когда во времена Горбачёва все бросились сдавать партбилеты, она не стала, говоря: «Пока кормились от неё, партия была нужна, а теперь — под зад коленом!». И в этом была частичная правда.

Старая гвардия, пришедшая в партию в годы войны, ни о каких льготах и карьере не думала. Коммунистов ставили на самые тяжёлые и ответственные участки народного хозяйства, они были наставниками на производстве, шефами детдомов, школ, им поручали заведомо провальные дела и требовали выполнения. А иначе — партбилет на стол! И последствия могут быть весьма плохими, не говоря о позоре

среди товарищей.

Но со временем, когда послевоенная жизнь вошла в мирную колею, благосостояние улучшилось, коммунистов стали не только грамотами и медалями награждать, но и улучшать условия их жизни. Одно то, что должность руководителя серьёзным предприятием мог получить только партийный, как и любую ответственную должность в любой отрасли, сместило цели и задачи коммунистов новой формации.

Я работала в редакции Ленинградского Дома Моделей, выполняла задания самой высокой сложности, но при этом не имела категории и получала минимальную зарплату 80 рублей. Сдать экзамен на хотя бы первую категорию я могла только по истечении трёх лет. Было ужасно обидно, когда «старушки», выслужившие четвертую категорию и не справляясь с ответственными заданиями, получали 140 и 150 рублей, а их работу скидывали на меня, новенькую.

Я решила уходить, но руководство, понимая, что фронт работ оголится, стало меня отговаривать. Зам директора сказал: «В комсомоле тебе больше ничего не светит, вступай в партию. Рекомендации будут». Он объяснил, что продвижение по карьерной лестнице без этого невозможно, что я так и буду сидеть на низкой ставке, а он видит моё будущее в руководстве... Соблазн был велик.

Для начала надо было стать кандидатом в члены КПСС, ознакомившись с таким документом:

Моральный Кодекс Строителя Коммунизма.

1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.
2. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.
4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.
5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.
6. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.
7. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.
8. Непримируемость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.
9. Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.
10. Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.
11. Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Мне всё понравилось, кроме слов «непримируемость» и «нетерпимость». Они призывали к борьбе, ведь нетерпимость к врагам коммунизма предполагает общественную де-

тельность по выявлению этих врагов, их осуждению и, возможно, наказанию.

К тому же, если я непримирима к карьеризму, то ни в коем случае не должна идти в партию, поскольку меня туда и позвали, чтобы двинуть мою карьеру.

Эти размышления убавили прыти, и вместо того чтобы прислушаться к советам старшего товарища, человека партийного, умного, доброго, занимающего ответственный пост, я всё же решила уйти из Дома Моделей и поступила в Академию Художеств. По стечению обстоятельств, моя учётная карточка затерялась при переводе из одного райкома комсомола в другой, и я вдруг почувствовала себя абсолютно свободной.

Был конец 70-х — начало 80-х, «Кодекс Строителей Коммунизма» выглядел анахронизмом. Мало кто читал 10 божественных заповедей и уж, тем более, никак их не сравнивал их с 11 пунктами Кодекса, иначе понял бы, на чём он основан.

Комсомольские собрания превратились в обязательку с отловом на выходе. Прошло то горячее, романтическое время, и стройотряды пели другие песни под гитару, и в них было поровну комсомольцев и таких независимых, как я. Большую роль в этом сыграла «оттепель» 60-х, приоткрывшая «железный занавес» для всех, а не только для партноменклатуры.

БЕЗОПАСНОСТЬ В СССР

Безопасность — понятие многогранное. Пока реальная опасность не становится составляющей социума, слово «безопасность» ассоциируется только в контексте «техники безопасности» или «безопасность на дорогах».

В Советском Союзе можно было:

Ходить по тротуарам, не опасаясь, что на тебя наскочит курьер на скутере или ротозей-турист на электро-самокате.

Делать покупки, будучи уверенными, что всё, написанное на упаковке и ярлычке, соответствует действительности.

Не опасаться, что ради экономии в торт положат пальмовое масло, а в таблетки — одну соду. Что запчасти для авто быстро сломаются, а обувь развалится в первый же сезон.

Посетители кино и театров не рисковали увидеть чернуху, порнуху или откровенную чушь, услышать мат со сцены. Таблички в кинотеатрах «Детям до 16 лет вход воспрещён» касались, в основном, зарубежных фильмов, да и то в них присутствовала лишь лёгкая эротика.

Цены были стабильны, деньги не обесценивались, и никакие мошенники не могли украсть сбережения с вашего вклада.

Жили по закону, который был неизменен, отражал нравственные нормы общественной жизни. «Моя милиция меня бережёт», — это был не просто слоган на плакате.

Существовала высшая мера наказания: расстрел. Это останавливало даже закоренелых нарушителей порядка от участия в серьёзных преступлениях. Госизмена каралась высшей мерой.

Нельзя было купить права, диплом, военный билет с нужной отметкой, да вообще никакие государственные документы.

Советский человек шёл на операцию, не опасаясь, что у хирурга купленный диплом, а управляя машиной, что и кого-то из участников движения левые права. Об этом даже и разговоров не было.

А что было?

А было ОТК — Отдел Технического Контроля, его сотрудники вели сквозную проверку на всех этапах производства в соответствии с нормами.

Были ГОСТы — Государственные стандарты, которые соблюдали все предприятия, был знак Качества, который присваивали лучшей продукции.

За всем, что происходило в стране, следил Комитет Госбезопасности, общественные и партийные организации.

К примеру, у нас в квартире на последнем этаже постоянно по весне, когда таял снег, протекала крыша, и потолок грозил обрушиться. Мы обращались в ЖЭК, писали жалобу в райисполком — не помогало. Что-то подделают, год живём спокойно, потом та же история.

Бабушка обратилась к юристу, и он подсказал, что копии

жалоб нужно направлять в контролирующие органы и на самой жалобе вверху так и писать: копия направлена в Горисполком, Горком партии, санэпидемстанцию. Сработало отлично — перекрыли заново крышу.

В информационных сферах была цензура, которую, конечно, поругивали за перегибы, но лишь после отмены осознали её положительную роль.

Но самое главное — было воспитание. Ведь из нас растили строителей коммунизма. С малых лет мы видели, чувствовали, знали, что поощряется обществом и государством, а что осуждается.

Поощрялось уважение к старшим, начальству, учителям, к своей истории, к своим героям, к армии, помощь и взаимовыручка, честность и добросовестное отношение к труду, бескорыстие, верность в любви и дружбе, любовь к Родине.

Осуждалось хамство, взяточничество и любые финансовые махинации, нерадивость в учёбе и деле, лень, зазнайство, скупость, ложь и лицемерие, грубость, подлость, измена, половая распущенность.

Нас учили книги, фильмы, газеты, радио и телевидение, учителя в школах и вузах, родители, наставники на производстве.

Существовало понятие — советский образ жизни.

ОБЩЕНИЕ В СССР

Сейчас, из 2026 года, я смотрю в своё детство, юность, молодость с непередаваемо-сложным чувством. Если бы мне предложили перенести что-нибудь из того времени в нынешнее, но только одно, я бы, наверно, выбрала общение.

Нынешнему поколению не понять, как много, тесно, откровенно и продуктивно, а главное, лично (!) мы общались в то время. И не только со сверстниками и друзьями, но со всеми, кто нам был нужен и кому мы были нужны. Даже со случайными попутчиками могли навек подружиться и общаться семьями.

Этому способствовало отсутствие тех интернет-технологий, которые сегодня берут власть над людьми. Даже стационарные телефоны были не у всех, не говоря о мобильных, этих соглядатаев и надсмотрщиков. В самых забюрократченных госструктурах с нами общались живые люди, на письма и жалобы отвечали не под копирку и не включали автоответчика.

Вот обычный день студентки, то есть мой. Конец 70-х.

Утро. Отвожу дочку в ясли, там прошу медсестру последить за температурой, вечером была 37. Сажусь в трамвай 11 номер. На обычном месте сидит дядя Володя, с которым у нас чисто «трамвайное знакомство», он придерживает мне место рядом, и в течение получаса, пока едем до проспекта

Майорова, мы с ним продолжаем вчерашнюю тему, которую не успели обсудить. О роли личности в истории.

День. Техникум. Пять пар по два часа. Предметы разные, на одних пишу конспект, на других парируемся с преподам по обществоведению, он любит, когда мы спорим. На рисунке Мирра Ивановна помогает некоторым, попутно рассказывая о «малых голландцах». В перерывах общаемся с подругой Ирой, обсуждаем прочитанные книги, которые нам посоветовали в библиотеке: Чингиза Айтматова и Василя Быкова.

Вечер. Драмкружок, репетиция пьесы Островского «Семейная картина». Ирка играет купчиху, я её дочку, ребята с механического отделения очень смешно изображают купцов. Олег Юрьевич, наш любимый руководитель, назначил меня помрежем. После занятий три остановки проходим с ним пешком, обсуждая мои новые обязанности.

Поздний вечер. Дочку из яслей забрала сестра Оля и уложила спать. Поужинав, мы целый час поём под Олин аккордеон — «У моря, у синего моря...» и остальной репертуар, а на ночь рассказываем друг другу, что интересного произошло за день.

И никто никого не банит, не отправляет в чёрный список, не отписывается, никакого Т9, подсказывающего всякую чушь. На вопросы нам отвечает не «алиса», не бот и не автоответчик. Нас не забрасывают спамом, не подбивают друзей получать за нас бонусы «приведи друга» или купить

чего не надо через сетевой маркетинг. Да и друзья — настоящие, а не те, с кого можно что-то поиметь или в любой момент поменять.

Настоящая жизнь и настоящие отношения. Всё настоящее.

ДРУЖБА НАРОДОВ

СССР был многонациональным государством, огромной державой, занимающей одну шестую часть суши.

К 1940 году в СССР входили 15 союзных республик: Российская СФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Узбекская ССР, Казахская ССР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Литовская ССР, Молдавская ССР, Латвийская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Армянская ССР, Туркменская ССР, Эстонская ССР.

Особенно СССР укрепился и вырос после Победы во Второй Мировой войне. Эта Победа, её высокая цена ещё больше сплотила народы нашей страны, ведь она была общей, как поётся в песне, «одна на всех».

Мы, ленинградские жители, проводили отпуск на Украине, В Грузии, Молдавии, Армении. За ширпотребом и средневековой экзотикой ездили в Прибалтику, на высокие заработки — в Сибирь, на Дальний восток, за полярный круг.

Некоторой неприязнью отличалась Прибалтика, которая вошла в состав СССР перед войной. Но со временем отношения улучшились, чему способствовало переселение в эти страны большого числа специалистов из России, которые обслуживали построенные Россией высокотехнологичные предприятия.

Обязательное изучение русского языка во всех республи-

ках, квоты на поступление в институты РФ также помогало стиранию барьеров между Россией и остальными республиками. При этом большое внимание уделялось развитию национальных культур.

Кроме советских республик существовали ещё «страны социалистического лагеря», их тоже было 15: Албания (НС-РА), Болгария (НРБ), Венгрия (ВНР), Северный Вьетнам (СРВ), Германская Демократическая Республика (ГДР), Китай (КНР), Северная Корея (КНДР), Куба, Лаос (ЛНДР), Монголия (МНР), Польша (ПНР), Румыния (СРР), Советский Союз (СССР), Чехословакия (ЧССР), Югославия (СФРЮ).

Между ними и Советским Союзом активно велись хозяйственные, культурные, торговые отношения. В Ленинграде, Харькове, Минске, Москве и других крупных городах училось много студентов из-за рубежа. В школах соцстран русский язык был первым обязательным из иностранных. Существовало устойчивое движение: переписка с детьми из СССР.

В третьем классе я получила письмо из Монголии, от девочки Цэнде Цолмон. Я так и не поняла, что из этого фамилия, что имя. А спросить постеснялась. Обратный адрес был такой: Монгольская Народная республика, город Улан-Батор, 2 средняя школа им. Сухэ-Батора, 3-б класс. И письмо не лично мне, а «пятому по журнальному списку». Я как раз пятой и была. И школа наша тоже №2, и класс 3-б. Только

почему она из своего столичного города не пишет в Москву? Наверно потому, что город Ленина в сердцах монголов на первом месте.

Письмо было короткое, написано без ошибок, видимо, помогал учитель русского языка. И фотография приложена. С неё без улыбки смотрела широколицая, узкоглазая девочка. К тому времени я уже переписывалась с двумя полячками — обе Терезы — и с Ритой из Латвии — эта была уж совсем своей.

СССР поддерживала дружеские и партнёрские связи со странами Латинской Америки — Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Перу, Суринам, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Эквадор и Ямайка, Антигуа и Барбуда.

В Азии: Семиречье, Сирия, Ирак, Афганистан, Индия, Камбоджа, Йемен. Израилю СССР вообще помог в 1947 году создать государство.

Дружественные Советскому Союзу страны Африки: Египет, Ливия, Алжир, Марокко, Тунис, Сомали, Ангола, Мозамбик.

Конечно, сотрудничество строилось, прежде всего, на помощи СССР этим странам: финансовой, технической, военной. Такая политика требовала громадных затрат, но, несмотря на это, Советский Союз даже в тяжелейшее послевоенное время выделял на неё средства. Так осуществлялся экспорт социализма, построенного «в отдельно взятой стра-

не» на весь мир.

Из европейских капиталистических стран плодотворные отношения сложились с Финляндией, Италией, Францией, Германией. Одни были построены на тесных культурных связях, другие — на торговле и промышленности.

Финляндия сильно поднялась на посредничестве в торговле между СССР и другими капстранами. Это было обусловлено, в первую очередь, дореволюционными связями, когда Финляндия входила в состав России. После распада СССР тенденция сохранилась вплоть до недавнего времени.

Фестивали молодёжи и студентов, кинофестивали, промышленные выставки-ярмарки, гастроли русского балета, театров, художественных выставок, показы итальянских, французских фильмов, переводная литература — всё это способствовало укреплению дружбы между народами. Советский Союз славился за рубежом балетом Кировского театра, ансамблем «Берёзка», фильмами Тарковского, русским авангардом в живописи.

В 70-х в СССР шли активные гастроли зарубежных исполнителей. От итальянцев: Тото Кутуньо, Адриано Челентано, Риккардо Фольи, — наши девушки сходили с ума. Две моих однокурсницы на этой волне вышли замуж за итальянцев и уехали в Италию.

Скажу прямо: советские люди всех любили. Возможно, потому, что сами за границей почти не бывали и судили о народах по литературе, кинематографу, импортируемым то-

варам и по обучавшимся у нас студентам.

Вспоминая жизнь в Советском Союзе, не могу даже представить межнациональную рознь. Это тем более удивительно, учитывая обязательную графу в паспорте «национальность», которую его владелец заполнял при получении, в 16 лет. Причём мог поставить любую, то есть назваться тем, кем он себя ощущает.

Если шутили на тему особенностей тех или других наций, это было по-доброму. Самыми распространёнными были анекдоты про евреев, грузин и чукчей.

Про евреев:

Еврей переходит границу. Пограничник:

— Стой! Кто идёт?

— Уже никто никуда не идёт...

В грузинской школе:

Учитель: «Запомните, дети: тарелька и вилка пишется без мягкого знака, а сол и фасол с мягким знаком. Понять это невозможно, надо просто запомнить».

Чукча пришёл поступать в литературный институт. Ему говорят: «Расскажите нам о творчестве Пушкина». Молчит. «Что вы читали Чехова?». Молчит. «Ну, уж Льва Толстого „Войну и мир“ наверняка читали?». В ответ: «Чукча не хочет быть читателем, чукча писателем хочет быть!».

Интересное наблюдение: в начале 90-х, когда мы с выставкой ленинградских художников ездили в уже объединённую Германию, немцы рассказывали похожие анекдоты про бель-

гийцев.

ОБЛИКА МОРАЛЕ

Пожалуй, именно моральный облик более всего отличал советских людей. Трудно сказать, в чём он больше всего выражался, это было, скорее, состояние общества. При повальном атеизме государство сумело внедрить Божьи заповеди в быт и сознание людей.

Наверно, к двум прегрешениям относились с терпимостью: любовь до брака (гражданский брак) и пьянство. Но до возможных пределов. На измены смотрели сквозь пальцы, пока это не разрушало семью. А вот разводы не приветствовались. В дело вмешивался райком комсомола, партком, профсоюз, стараниями которых «изменщик» подчас водворялся в лоно семьи.

Общественное порицание было мощным фактором предупреждения проступков. На предприятиях, в учебных заведениях, по месту жительства существовали товарищеские суды, обладающие полномочиями предупредить или наказать виновного: от публичных извинений до штрафа в 50 рублей.

Суды разбирали дела о нарушениях трудовой дисциплины, о недоброкачественном выполнении работ, о мелком хищении государственного имущества, мелкой спекуляции, оскорблениях, распитии спиртных напитков в общественных местах и т. п.

Такие явления, как однополая любовь, «шведская тройка», садомазохизм и прочие сексуальные отклонения считались либо психическими нарушениями, либо преступлениями. Виновных по суду помещали в психиатрическую лечебницу, либо они получали тюремный срок. Кстати, слова «секс» практически не было в обиходе, оно приравнялось к нецензурному. Отсюда и шутка — у нас секса нет.

С «горькими пьяницами» вели другую борьбу: принудительное лечение, присуждение алиментов на содержание семьи, увольнение с позорной записью в трудовой книжке.

Кстати, трудовая книжка, сопровождавшая каждого с первого дня учёбы по специальности до выхода на пенсию, имела громадное значение во всей последующей жизни её обладателя. В неё заносились не только данные о приёме на работу и увольнении, но и причины увольнений, присвоение категории, поощрения и правонарушения.

Трудовые книжки хранились в сейфе отдела кадров и выдавались на руки только при увольнении. Прерывание рабочего стажа более чем на один месяц уменьшало размер пенсии. Это побуждало людей либо заранее подыскать новое место, либо согласиться на любую должность.

При поступлении на работу трудовая книжка внимательно просматривалась начальником отдела кадров, и если что-то ему не понравилось, могли и отказать соискателю.

Сохранилась трудовая книжка моей мамы, Важовой Любови Ивановны (1926—2014 гг.). По ней можно проследить,

как менялись обстоятельства её жизни. Вот она поступила на фабрику «Красный октябрь», где 6 лет работала по специальности резонанщица. Я так и не смогла найти, что это за профессия, знала только, что мама сама могла и настроить, и починить пианино. А вот запись за 1956 год, когда она уже уехала со мной и папой в Таджикистан, работает соцработником на консервном производстве в Ленинабаде.

Есть отметки о награждении медалью «За доблестный труд» в 1946 году и объявлении в 1955 году благодарности «за поддержание чистоты в лаборатории на заводе Стройматериалов».

Вот мама вернулась — со мной, без папы — и опять пошла на «Красный октябрь», уже на должность струнщицы. И вдруг, спустя два года, переведена на должность стрелка в ВОХР. Это надо же, моя мама что-то охраняла, ходила с винтовкой!

А вот она из-за комнаты устроилась дворником... это я помню. И даже получила благодарность... Потом мама с отчимом уехали в Камышовку, там уже — от разнорабочей на молочной ферме до завхоза в детском саду. И ни одного пропуска, перерыва в стаже. Как это — не работать? — поражалась мама — а чем же тогда заниматься и на что жить?

Таковыми были все. На этом держалось благосостояние страны.

Мы жили в чудесное время!

КИТАЙСКАЯ КОФТОЧКА

Глава 1. Мороженое

Июнь стоит такой жаркий, что плавится асфальт. Все стараются ходить по тенивым сторонам улиц, и оставшаяся с войны табличка на левой части Невского: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!», — приобрела новое значение. Правда, горожане приловчились уезжать на выходные за город, где жар умиряется ветерком с залива, охлаждается под сводами лесного шатра, так что солнечная шрапнель достаётся, в основном, туристам.

Маруся томится в городе. Почему-то никак не могут решить с дачей. Ту, прежнюю, в Осельках, сдали за их спиной, подло проведя тайные переговоры. Тётя Женя говорит, что за воротами стоит новенький «Москвич», а по участку бегают трое мальчиков и собака-такса. Особенно обидно смотреть на качели, построенные своими руками — на них теперь качаются чужие дети.

Марусе скучно. Она то порисует, то поиграет, то в окошко поглядит. Жёлтые стены двора-колодца, антенны с чёрными проводами, слуховое окно чердака с разбитым стеклом... Ничего интересного.

Хорошо, хоть бабушка купила мороженое. Самое дешёвое, фруктовое, за семь копеек, в бумажном стаканчике, холодное и твёрдое. В какой-то момент от него даже замёрзло

нёбо — так было, когда ей драли зуб. Но потом всё быстро прошло, лишь на языке остался вкус чёрной смородины.

Сестра Оля пришла из школы, где проходила летнюю практику в школьном саду. И хотя они совсем не похожи: Оля светленькая и кудрявая, с белёсыми бровями и ресницами, а Маруся темноволосая, широкие бровки с хохолком, — но их все сразу признают сёстрами. Наверно из-за веснушек и вздёрнутых носов.

Они быстренько пообедали и вместе пошли гулять в Зелёный сад, через дорогу от Шкиперского протока. Там есть карусель и павильон, где продают газировку и мороженое шариками на развес. Белый такой павильон, под крышей, с деревянными решётками и тремя круглыми столиками.

— Ты сегодня мороженое ела? — спрашивает Оля.

Маруся опускает голову и тихо произносит: «Нет». Но сестра не слышит, она поглощена подсчётом мелочи, прикидывает, сколько шариков можно будет взять, и хватит ли на сироп. Получалось по два шарика на нос, а сироп только один.

— Мне не надо сиропа, — великодушно заявляет Маруся, мгновенно забыв, что только что обманула сестру. У неё опять становится легко на душе, ведь обычно всё вкусное отдаётся ей, как самой младшей в семье. А тут она сама отказалась от сиропа — значит, враньё не считается.

Правда, только потому не считается, что мама не в курсе. Вот если бы она вдруг оказалась дома, сразу бы узнала

про все Марусины проделки. Такая уж у неё мама: Марусю видит насквозь, а больше всего не любит, когда врут. Посмотрит внимательно своим особым, пристальным взглядом, и сразу всё как на духу хочется выложить. Она любит повторять: «Лучше любая правда, даже самая ужасная, чем красиво придуманная ложь».

Но это было раньше. Теперь, когда мама уехала в геофиз-партию, в далёкий Комсомольск-на-Амуре, — «завербовалась», по словам бабушки, — она уже три месяца только письма пишет. Ну а в письмах, конечно, ни про какое враньё не поминает. Потому что скучает. Маруся тоже очень скучает и от этого иногда безо всякой нужды сочиняет. Вот и теперь зачем-то сестру обманула, а сама ведь ела мороженое, сиреневое, в бумажном стаканчике...

Под конец прогулки, когда уже к дому повернули, встретили Олину одноклассницу, Лиду Маркину, по прозвищу Маркуша. Её дедушка когда-то взял фамилию матери и стал Маркиным. А вообще они из древнего рода Нарышкиных, но об этом говорить громко нельзя, а то у Лидкиной мамы, которая работает в «ящике», могут быть неприятности. Маруся представляет себе громадный ящик с боковой крышкой-дверью, из которой после работы выходят люди, щурясь от солнца. Брехня какая-то! Не могут советские люди в ящиках работать. Это в Америке так негры живут. Надо всё-таки расспросить Олю, что за ящик такой секретный.

Мама у Маркуши всего лишь инженер, а вот папа по де-

вять месяцев в году сидит на льдине — он полярник. Поэтому и живут они шикарно, в отдельной квартире со множеством красивых и полезных вещей, с ванной и телефоном. У Лидки всегда на школьном форменном платье кружевные воротнички и манжеты, вместо чулок она носит колготки с узором и по воскресеньям ходит в музыкальную школу. Но, несмотря на такие классовые различия, Маркуша очень хорошая: всегда с Марусей поговорит, конфетой угостит или даст красивую переводную картинку. Вот и сейчас первое, что спросила:

— Мороженое будете?

— Мы уже ели, — стойко отвечает Маруся. Но Лидка охвачена великодушием, и они снова оказываются в белом павильоне. У подруги в руках — целый рубль, который она протягивает тётеньке с кружевным хохолком на голове и говорит уверенно:

— Три по сто крем-брюле с сиропом.

Оля пытается протестовать: во-первых, стыдно одалживаться, во-вторых, Маруське больше нельзя, а без неё есть не станешь. Лидка быстро находит компромисс:

— Она будет есть медленно, греть во рту.

Но греть мороженое как-то не получается. Это уже и не мороженое вовсе, если тёплое. Для порядка Маруся всё же чуть задерживает ложку, якобы дышит на неё. Потом все пьют газировку, она щиплет в носу и выходит с отрыжкой, которой Маруся очень стесняется, а посему быстрее запива-

ет её следующим глотком. Подруги о чём-то секретничают, то и дело сдвигая поближе головы и переходя на шёпот: «Ты думаешь, он серьёзно? Болтает всякую ерунду!». На Марусю никто внимания не обращает, и она всё подливает и подливает в свой стакан пузырящийся напиток.

Дома ждёт сюрприз. Тётя Женя получила отпускные и по этому поводу купила торт-мороженое. Он стоит на самой середине круглого стола и пленяет воображение белыми и жёлтыми розами с мармеладно-зелёными листиками. И платье у тёти Жени под цвет торта: с жёлтыми и зелёными квадратами.

— Маруське нельзя, она уже ела мороженое! — предупреждает Оля, но не говорит, что они обе уже дважды им полакомились. Иначе и ей, пожалуй, не дадут торта. Но взрослые снисходительно относятся к её словам — ведь жара невыносимая! — и разрешают немного попробовать. Белое имеет ванильный вкус, жёлтое пахнет дыней, а зелёное — конфетами дюшес. Все едят ложечками прямо от целого торта, и никто не замечает, что Маруся слишком усердно снимает пробу.

Глава 2. Больница

На другой день у Маруси заболело горло, а к ночи поднялась высокая температура. Её кое-как сбили растиранием водкой с уксусом, а утром вызвали врача. Оказалось, ангина. Целую неделю Марусю лечили таблетками и полоска-

ниями, но ей становилось всё хуже. Распухли суставы, они ныли днём и ночью, и Маруся спала урывками. А потом врач сказал, что надо ехать в больницу, и обещал прислать машину.

В больнице температура спала, но суставы продолжали ныть и пухнуть. Самым паршивым было то, что Маруся не могла поднять головы от подушки: у неё сразу начиналось головокружение, подступала тошнота. Ещё она пила совершенно мерзкую «салицилку», которая не задерживалась в Марусином организме ни на секунду. Так что вскоре давать перестали, заменив порошками.

Бабушка приходила каждый день, усаживалась рядом с Марусей, доставала из сумки фрукты и печенье. Но Маруся ничего не могла есть, её продолжало тошнить. Она слышала разговоры вокруг и понимала, что дела её становятся всё хуже. Весёлый доктор, Михал Михалыч, который лечил Марусю, совсем перестал шутить. Он по несколько раз в день подходил к её кровати, щупал пульс, надавливал пальцами на похудевшие ноги и приговаривал: «Только и есть в тебе хорошего — твои вены». Они и впрямь были ровными и выпуклыми, медсёстры легко их находили и делали бесконечные уколы. Но постепенно вены стали проваливаться, покрылись частыми бугорками, и некуда уже было втыкать иголку.

Марусю перевели в маленькую, узкую палату, где стояло только две кровати: её и трёхлетнего мальчика Коли с врож-

дённным пороком сердца. Коля лежал очень тихо, мама читала ему сказки и кормила с ложечки домашним бульоном.

Как-то ночью Маруся проснулась от света. В палате было много народа, Михал Михалыч отдавал отрывистые приказания, и сестрички несли высокую стойку с прозрачными трубками. А утром, когда Маруся открыла глаза, Коли в палате уже не было. Нянечка сказала, что его повезли на операцию. Она ещё хотела поговорить о Коле, но постовая дежурная сестра на неё строго взглянула и велела заниматься своими делами. Колю назад не привезли. После операции, сказала нянечка, дети остаются на хирургии, пока их не выпишут домой.

Так Маруся оказалась в палате одна. Она лежала в узкой, как пенал, комнате, единственное окно которой пропускало пятнистый свет. Маруся не видела, что там, за окном, не могла сесть и лишь догадывалась, что свет застревает в листве большого дерева. Она много спала, а просыпаясь, видела рядом с собой то бабушку, то тётю Женю — значит, сегодня выходной — то целую толпу в белых халатах. Это был консилиум врачей. Они решали, как лечить Марусю, чтобы она, наконец, поправилась. Потому что поправляться у неё не получалось. Невесомое и плоское под одеялом тело упорно не реагировало на новейшие лекарства, которые Михал Михалыч «доставал» в спецраспределителе. Ко всем неприятностям добавился слон: он сел к Марусе на грудь и мешал ей дышать. У слона было красивое имя: Миокард — так его на-

зывал доктор.

Дни тянулись бесконечно. По-прежнему делали уколы по несколько раз в день. Бабушка приходила прямо с утра, приносила то румяный бублик, то золотую грушу, говорила нарочито-бодрым голосом, и её мягкие щёки вздрагивали, как от плача. Маруся вяло откусывала кусок-другой и отворачивалась. Вены её больше никто не хвалил, а уколы доверяли делать только медсестре Валечке, которую специально приглашали из хирургии. Она умела не очень больно искать вену и всё время, пока искала, что-нибудь смешное рассказывала. Когда же у Вали был выходной, приходилось туго — другие сестры с её венами мучились и мучили Марусю. Она уже заранее принималась плакать, так что бабушка, если была в это время рядом, начинала трясти губами, а один раз сказала: «Не терзайте вы ребёнка, всё равно толку нет», — и не дала колоть. Михал Михалыч очень рассердился и даже пообещал больше бабушку не пускать, но потом всё же передумал.

Однажды Маруся проснулась среди ночи и поняла, что очень голодна. Она пошарила в темноте на тумбочке, нашла несколько слив и съела. Утром ей, как всегда, принесли кашу, которая обычно оставалась нетронутой. Маруся взялась и за кашу, но после пары ложек её вырвало. Зато какао она выпила — и без всяких последствий!

Так у Маруси появился аппетит, правда, весьма избирательный. Что-то она даже видеть не могла, а про домашний

суп с фрикадельками думала не переставая, пока бабушка его не приготовила и не принесла в маленькой жёлтой кастрюльке, закутанной в несколько платков. Старшая сестра хоть и сказала, что кастрюли в больницу приносить не разрешается, препятствовать не стала.

Супчик отлично прижился и наружу не рвался. Повеселевший Михал Михалыч вновь принялся шутить и отменил уколы. А через несколько дней спросил, не желает ли Маруся спустить ноги с кровати. Он взял её за прозрачные ладошки, помог сесть. Подошли сестричка и нянечка — на подстраховку. И хотя Маруся ещё не встала, а только села и свесила ноги, у неё страшно закружилась голова и, если бы её не поддержали, свалилась бы с кровати.

Все были довольны, а когда пришла бабушка с кульком вишни, уселись вокруг Маруси, ели вишню и вспоминали других больных, которые сначала пластом лежали, а потом чудесным образом быстренько на ноги встали. Только Михал Михалыч им не составил компанию, а ушёл в приёмный покой к новым больным. Но сначала пообещал, что после выходных переведёт Марусю в общую палату, где много девочек.

Глава 3. Галя

Новая палата Марусе очень понравилась. Светлая, большая, с огромными, закруглёнными сверху, окнами. Теперь Маруся уже могла сидеть и крутить головой. В одном окне

она видела крышу дома напротив с будочкой-голубятней и взмывающими по какому-то невидимому знаку голубиными отрядами. Будочка была окружена страховочными перильцами. В другом окне блестел купол церкви, и порой казалось, что голуби курсируют между куполом и своим домиком. Иногда рядом с голубятней появлялся мужчина в синем комбинезоне. Он выходил из слухового окна и, легко пробежав по краю крыши, взбирался почти на конёк по прислонённой лесенке. За оградой будочки его моментально облепляли голуби — видно, он держал в руках угощение — и они ещё какое-то время курлыкали там вместе, пока мужчина не делал короткий и резкий взмах, отправляющий голубиные отряды в просвет среди облаков.

Кровать Маруси стояла прямо у раковины, где все девочки и их мамы мелькали перед глазами. Но Маруся была этому даже рада, она закрывала глаза и представляла, что это её мама полощется в раковине. Вот сейчас она обернётся и протянет Марусе помытое яблоко. Мама собиралась приехать, но бабушка пошла на переговорный пункт и убедила её остаться. Всё же из Комсомольска-на-Амуре путь не ближний, да и Маруся, хоть и медленно, идёт на поправку.

Она была ещё слаба и много спала, но ей очень хотелось познакомиться с девочками. Лёжа калачиком, она разглядывала соседок, мысленно примериваясь, с кем бы подружиться. Девочки тоже проявляли интерес к новенькой, особенно старшая, Галя. В первый же день она подошла к Марусиной

кровати и стала задавать бесчисленные вопросы. Сколько ей лет, с кем она живёт, чем болеет и долго ли здесь лежит. При этом она ни секунды не сидела на месте, выделявала фигуры возле спинки кровати, сотрясая её и двигая. У Маруси снова закружилась голова, и она захныкала.

— Плакса-вакса, — пренебрежительно бросила Галя и отстала от Маруси.

Другие девочки как по команде отвернулись и тут же забыли о её существовании. Видимо, Галя была у них заводилой. Маруся немного поплакала и заснула. Её разбудила бабушка. Она принесла целый пакет стручков зелёного гороха и письмо от Оли, которая была в пионерском лагере. В письмо Оля всегда вкладывала рисунок или засушенный цветок. В этот раз рисунки были на полях самого письма. Оля писала о вечерних кострах, о походе к роднику, о новорождённых смешнувших котятках. На полях были изображены и костёр, и фляги с родниковой водой, и чёрно-белый котёнок с раскосыми, почти вертикально стоящими глазами.

Когда бабушка ушла, Маруся вновь взялась за письмо: хотела разглядеть рисунки. Но кто-то из девочек стремительно подскочил к ней и вырвал бумагу из рук, а другая схватила пакет с горохом и раскидала стручки по кроватям. Все тут же принялись лущить горох, только Марусе ничего не досталось. Девчонки смеялись, называли Марусю плаксой-ваксой, а она закрылась одеялом с головой и рыдала от обиды. Что она им сделала? Почему они такие злые? Маруся вспомнила

мальчика Колю, какой он был тихий и спокойный. А эти и на больных-то не похожи, бесятся и орут.

Очень горько стало Марусе, ей казалось, что лучше умереть, чем так мучиться. Лучше, как Коля. Но ведь Коля не умер, ему сделали операцию и, наверно, уже выписали. И тут Маруся поняла, что никакой операции не было, что в ту ночь Коля умер, и она это видела. Значит, и Маруся была близка к смерти, они с Колей лежали в «тяжёлой палате», там все умирали. Только Марусе удалось выжить. А теперь она об этом жалеет.

Маруся наревела себе температуру и лежала вся красная, с распухшим лицом. Пришла постовая сестра, забрала у девочки письмо, уцелевший горох и положила к Марусиной подушке, но Маруся уже ничего не хотела. Ни с девочками дружить, ни картинки в письме рассматривать, ни есть любимый горох в стручках. Она снова почувствовала тошноту, и слон вернулся к ней на грудь. Явился Михал Михалыч, он мерил пульс и хмурился.

— Что же ты, красавица, слёзы лить вздумала? Что случилось? Кто тебя обидел?

Маруся ничего не ответила и отвернулась к раковине. Из неплотно закрытого крана капала вода. Вот и кран плачет вместе со мной, подумала Маруся. Ей стало абсолютно всё равно, что с ней будет дальше, только уколов в вену боялась. Раз слон Миокард вернулся, значит, опять колоть начнут. «Не начнут, — подумала Маруся. — Я не дам делать уколы.

И бабушке скажу, чтобы не разрешала». Но уколов доктор не назначил, он долго сидел возле Маруси, гулко стучал по цыплячьей груди костяшками пальцев, мерил давление, слушал деревянной трубочкой работу сердца. Потом ушёл, погладив Марусю по голове.

Девочки лежали притихшие, а Галя подошла и хмуро сказала:

— Не плачь, а то не поправишься, и нам всем влетит.

Пусть влетит, Марусе теперь ничто не поможет. Её все бросили: Оля разжигает костры в пионерлагере, мама ходит с приборами по красивым горам, остальные заняты своей бесконечной работой. Никому до неё нет дела.

Глава 4. Подарок

Вот и август наступил, а Маруся всё лежала в больнице. Она застыла в каком-то полубольном состоянии. Слон на груди немного полегчал, но уходить не собирался. Маруся могла недолго постоять возле кровати, но слабость была такая, что ноги дрожали, а сердце гулко колотилось, и ей казалось, что это слышат все.

Галю выписали, перед уходом она подошла к Марусиной кровати и положила ей на подушку маленькую куколку, сделанную из разноцветного мулине. Но Маруся спала и не видела этого, а когда проснулась, обнаружила куколку и снова расплакалась. Вот и Галю выписали, а они только-только подружились. И Михал Михалыч на следующей неделе в от-

пуск уходит, а она всё лежит — ни жива, ни мертва.

В пятницу бабушка неожиданно забрала её домой, «под расписку». Маруся слышала, как она разговаривала в коридоре с доктором и сказала ему, что, если уж внучке суждено умереть, пусть умирает дома. И так два месяца пролежала, пора и честь знать. Михал Михалыч не отговаривал, он внимательно слушал бабушку, вставляя свои комментарии: «... смена впечатлений... резервы организма...»

Домой они с бабушкой ехали на трамвае. Марусе было стыдно сидеть, когда взрослые рядом стояли. Но бабушка всем объясняла, что едут они из больницы домой, полечились и хватит, что дома и стены помогают. Народ сочувствовал, оценивая поглядывая на ножки-спички, голубоватую шейку с двумя жидкими косицами по бокам. Особенно впечатляла формулировка «взяли под расписку» — как будто подпись бабушки под больничной бумагой давала Марусе некие исключительные права. Например, не уступать место старшим.

Наконец, доехали до Шкиперки, а потом долго-долго шли от остановки к парадной. Маруся почти висела на бабушкиной руке. Лифт, как назло, не работал. На пятый этаж забирались целый час. Останавливались на каждой площадке, ждали, пока дыхание выровняется. Бабушка вытирала клетчатым платком пот с Марусиного лба. Потом одолевали следующий марш и опять отдыхали. Вот и дверь маминой подруги тёти Эли: тёмно-вишнёвая, с глазком и блестящей руч-

кой. Значит, ещё один марш-бросок — и они дома.

В квартире было тихо: тётя Женя на работе, Оля осталась в лагере на вторую смену. Неуверенной походкой Маруся шла по длинному тёмному коридору, натыкаясь руками на плетёные сундуки, руль велосипеда, старые лыжи. Вдыхала знакомый запах пыльных газет, сложенных стопками для сдачи в макулатуру. Привычные предметы успокаивали и внушали уверенность, что всё плохое позади, оно осталось там, в больнице, с её въедливой и настырной хлоркой.

Бабушка провела Марусю в большую комнату, посадила на оттоманку, а сама пошла переодевать платье. Через проём двери в спальню Марусе была видна её собственная кровать, на которой она давно не спала. Кровать была застелена её любимым покрывалом с двумя прекрасными всадницами в длинных платьях со шлейфами, перекинутыми через левую руку, другой рукой в перчатке до локтя они сдерживали гнедых коней с безумно выкаченными глазами. В изголовье пирамидкой стояли подушки под вязаным крючком тюлем, а на покрывале что-то лежало.

Маруся ещё не разглядела, что там такое, но уже поняла, что это какая-то чудесная вещь, совершенно не подходящая ни к её кровати, ни к их квартире вообще. Вещь имела розовый цвет и дымчатую мягкость, а лёгкий сквознячок из форточки шевелил её невесомую шёрстку. Маруся поднялась с оттоманки и, цепляясь за края стола и буфета, вошла в спальню.

На кровати, раскинув пухлые рукава, лежала чудесная шерстяная кофточка бледно-розового цвета. Такого же цвета продавались в магазинах большие и маленькие махровые полотенца со значками советско-китайской дружбы, и одно даже было у тёти Жени — с вышитыми иероглифами и бордовыми птичками по краям. Его тётя Женя брала в баню, а после сушила над газом. На полотенце можно было только смотреть, но руками трогать — ни в коем случае.

Затаив дыхание, Маруся разглядывала неожиданную гостью, по-хозяйски разметавшую пушистые крылья. Между ними — в два ряда рельефные косички безупречной вязки, а посередине — ряд перламутровых блестящих пуговиц, к которым с обеих сторон подступали вышитые гладью букетики голубых и жёлтых цветов. Маруся даже издали видела атласную выпуклость глади: так бабушка вышивала на пальцах салфетки и уже учила этому Марусю. Но таких прелестных букетиков — с плавными переходами цвета, с тонкими дрожащими тычинками, — ей встречать не приходилось. Маруся подошла к своей кровати, чтобы всё получше разглядеть, а, главное, понять, кому предназначена эта кофточка, кому она в пору.

А ведь ей, Марусе, больше некому!

Настоящих покупных вещей у неё никогда не было: всё донашивалось после Оли. Так повелось, и Маруся к этому давно привыкла. Мама иногда перешивала свою одежду, выкраивая платице для Маруси: старательно обходила потёр-

тости и заштопанные места, оживляла воротничками и манжетами из полос подходящего шарфика. Такое платье считалось новым, да и воспринималось Марусей как новое. За свои семь лет она ни разу не была в магазине, где продают детскую одежду, ни разу её не примеряла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.